

УДК [821.111 + 821.111(73)]-311.6

Д. В. Новохатский

Ялта

ЖАНРОВЫЙ СТАТУС ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ

Досліджується жанровий статус художньої альтернативної історії, її зв'язки з історичною прозою та антиутопією, змістова та композиційна специфіка літературної альтернативної історії.

Ключові слова: альтернативна історія, жанр, постмодернізм, історична проза.

Исследуется жанровый статус художественной альтернативной истории, ее связь с исторической прозой и антиутопией, содержательная и композиционная специфика литературной альтернативной истории.

Ключевые слова: альтернативная история, жанр, постмодернизм, историческая проза.

The article dwells upon genre status of alternate history fiction, its ties with historical fiction and dystopia, peculiarities of composition and plot of literary alternate history.

Key words: alternative history, genre, postmodernism, historical fiction.

Как замечает И. Дробот, «в XX столетии восприятие и анализ истории приобретают черты междисциплинарного дискурса, так как привлекают к дискуссии литературоведение, историографию, философию истории» [4, с. 32]. Художественная альтернативная история в полной мере отражает это изменение, используя художественные средства как для анализа исторического прошлого, так и для построения альтернативно-исторической реальности. В этом заключается важнейшее различие художественного и контрфактического исторического дискурса: контрфактическое моделирование, как следует из его названия, строится на открытом противоречии объективной реальности, в то время как художественный дискурс самоценен, и «теоретический вопрос – возможна ли история в сослагательном наклонении? – в художественной литературе просто снимается» [9, с. 135]. Вопросы специфики литературной истории рассматриваются в работах З. Шевчук, К. Хеллексон, Г. Шенкеля, А. Демандта, однако проблема жанрового статуса художественной альтернативной истории исследована слабо. Цель данной статьи – осветить основные особенности жанра литературной альтернативной истории.

Возникновение первых образцов альтернативной истории проследить достаточно трудно, прежде всего, в связи с неоднозначностью самого термина «альтернативная история» и, как следствие, его неопределенным местом в системе жанров. Очевидно, что создание подобных произведений предполагает отказ от линейного восприятия исторического процесса, и творческую самостоятельность автора, который не только берет на себя традиционную функцию творца художественной реальности, но и пытается

построить альтернативный мир на основе сравнения с объективной реальностью, подобно авторам утопий и антиутопий.

Причины быстрого развития альтернативной истории в XX веке кроются в изменении общественного сознания и, как следствие, в изменении эстетических и художественных приоритетов эпохи. С. Лишаев называет этот процесс специализацией художественного мышления, для которой характерно смещение акцентов «с тел и вещей на возможность/невозможность движения, на смену местоположения <...> и на переживание возможности/невозможности существования» [8, с. 59]. Не в последнюю очередь расцвет альтернативно-исторических произведений связан с философией эпохи постмодерна, выдвинувшей в качестве постулатов всеобщее недоверие и множественность точек зрения. Поставив под сомнение объективность существования окружающей реальности, эпоха постмодерна неизбежно отказала истории в объективности, претендуя скорее не на воссоздание реальной картины прошлого, а на деконструкцию сложившихся представлений и мнений, изложенных в трудах по истории, либо зафиксированных в общественном мнении.

В этом отношении показателен знаменитый роман Дж. Барнса «История мира в 10 ½ главах», главная идея которого заключается в постулировании необъективности документальной истории и возможности множественности точек зрения на историческое прошлое и историю. В альтернативно-исторических произведениях эта возможность получает дальнейшее развитие, и представлено сомнение в том, что история могла пойти лишь тем путем, который известен из документальных источников.

Очевидна внутренняя связь альтернативной истории как с историческими документами (нон-фикшн), включающими в себя синхронические (летописи, дневники, календари) и диахронические (собственно исторические) материалы, так и с исторической художественной литературой. Альтернативная история всегда вторична по отношению к «реальной» истории, что отражено в ее названии, так как использует только тот материал, который известен из «реальной» истории. Как справедливо замечает З. Шевчук, «альтернативная действительной художественная реальность подчеркивает условность границ и возможность трансформации любого объекта, даже такого, как история» [12, с. 5].

З. Шевчук придерживается достаточно распространенного мнения, согласно которому альтернативная история рассматривается как поджанр (жанровая разновидность) исторической прозы. Действительно, как альтернативная, так и «традиционная» художественная история используют одинаковый материал, однако разница заключается в прагматике и стилистике произведения. Традиция исторической прозы, заложенная в европейской литературе В. Скоттом, основывается на «попытке оживить специфический дух эпохи, о которой идет речь в том или ином романе, а также стремлении довести содержание до корреляции с современностью»

[10, с. 5]. В таком типе романа достоверность собственно исторического материала не ставится под сомнение ни автором, ни читателем.

Повествование исторического романа, подобно мемуарной прозе, часто представлено в виде воспоминаний рассказчика, который одновременно выполняет функцию центрального героя этого повествования. Для «классического» исторического романа XIX века (В. Скотт, А. Мандзони, Р. Стивенсон) также характерны эпическая удаленность автора и читателя от изображаемых событий, нарочитая акцентуация «старины». Альтернативная история в этом виде практически не встречается: ее логика предполагает живое, динамическое повествование, в котором события разворачиваются в реальном времени, а эпическая удаленность отсутствует. Часто встречающиеся в альтернативно-исторических романах экскурсы в прошлое и хронологии несут чисто информативную функцию и призваны ввести читателя в вымышленный мир книги, но сами фрагменты, рассказывающие об альтернативном прошлом, как бы исключены из развития сюжета и из фабулы.

Сомнение в подлинности истории не обязательно ведет к появлению альтернативной истории : в т. н. «криптоисторических» произведениях, подтверждается сам факт какого-либо исторического события, но отвергается традиционная версия, объясняющая его с позиций исторической науки. Несоответствие якобы «подлинной» истории и той, которая общеизвестна, объясняется теорией заговора. Криптоистория особенно популярна в современной беллетристике, и охватывает огромный фактический материал, от истории древнего мира до современной геополитики. Существует значительное различие между альтернативной историей и криптоисторией: последняя предлагает альтернативные трактовки исторических фактов, не затрагивая целостность объективного исторического процесса. Криптоистория ориентирована на правдивость, и задача автора подобных произведений – убедить читателя в достоверности предлагаемого ему материала. Необходимым условием создания криптоисторического произведения является его детализация, так как нестандартные трактовки общеизвестных фактов осуществляются именно через детали, «воссоздаваемые», а в действительности создаваемые, автором.

Альтернативная история развивается в другом направлении: она не претендует на достоверность, изначально является вымыслом, и основывается на принципе многомерности миров, в которых история развивается различным путем, причем основной вселенной, которая выступает своеобразным «эталоном», является «реальный» мир, исторический ход развития которого не оспаривается. Альтернативную историю и криптоисторию можно объединить под общим названием «параистория» – т. е. корпус текстов, который существует в когнитивном поле исторического дискурса, но историей в строгом смысле не является. Термин «параистория» иногда применяется как синоним «альтернативной истории» (например, в работах Й. Хельбига), однако логичнее использовать

его как объединяющее, генерализирующее обозначение истории, не подтвержденной реальными историческими фактами и свидетельствами.

Популярность параистории зачастую рассматривается как еще один из признаков эпохи постмодерна. Например, Й. Халупа говорит о современном читателе как о «поколении параистории» [13, с. 133]. А. Зубов, характеризуя постмодернистские концепции мировосприятия, говорит о «путешествии во времени, альтернативной истории, апокалипсисе» [5, с. 317] как основных способах художественного отображения концепции времени в современной литературе.

Жанровая природа альтернативной истории по многим признакам близка антиутопии: их сближает содержание, позиция автора и типичные композиционные приемы. Важной приметой альтернативной истории, отмеченной ранее, является прецедентность, характерная и для антиутопий: т.е. такая технология создания литературного произведения, когда оно основывается на «уже имевших место в истории явлениях, событиях, фактах, где <...> фантастическое помогает раскрытию часто противоречивой сущности реалий действительности» [1, с. 282]. Как и в антиутопии, цель написания альтернативно-исторического произведения – изобразить мир таким, каким он мог бы быть при определенных условиях. Это предопределяет социальную ангажированность как антиутопии, так и альтернативной истории: материалом произведений служат лишь социально значимые, достаточно широко известные события или общественные тенденции.

Как известно, для антиутопии ведущими функциями являются аналитическая (анализ существующих тенденций развития общества, выявление их существенных недостатков) и прогностическая (описание возможного пути развития общества на основе анализа современности). Те же функции можно выделить и в альтернативно-исторических произведениях, где изображение вымышленного мира строго основывается на анализе документально зафиксированных реальных событий.

В альтернативно-исторических произведениях невозможно выделить типичный конфликт (в отличие от антиутопии), сюжет или набор образов. По композиционному признаку альтернативная история может быть романом, повестью или рассказом, что определяется необходимостью авторского анализа изображаемого мира. Характеры в альтернативно-исторических произведениях обычно разработаны слабо и чаще всего являются воплощением какой-то идеи; соответственно, конфликт в таких произведениях также является столкновением идей, а не характеров. По сути, можно выделить только один четкий отличительный признак альтернативной истории – изображение альтернативной вселенной, в которой ход истории идет отличным от реального мира путем, однако ни идея произведения, ни сущность конфликта, ни его функции принадлежностью к альтернативной истории не определяются и требуют дальнейшего уточнения в рамках других существующих жанров.

Так же, как и в антиутопии (эксплицитно) и в утопии (имплицитно), в альтернативной истории используется принцип двойного кодирования, однако здесь речь не идет о пародировании и иронии, а о сознательном создании автором текста, который может восприниматься читателем на различных уровнях. Любое произведение, относящееся к альтернативной истории, может быть прочитано как сугубо развлекательный текст, принадлежащий к массовой литературе и не требующий какой-либо подготовки реципиента. Способность к циклизации («Патруль времени» П. Андерсона) также свидетельствует о массовом элементе в альтернативной истории. С другой стороны, альтернативная история строится на сопоставлении того, что реально случилось и того, что могло бы быть, в результате чего идея произведения и смысл придуманного автором мира может раскрыться полностью лишь при постоянном апеллировании к объективной реальности. В таком случае произведения альтернативной истории приобретают глубину и полностью реализуют заложенную в них аналитическую функцию.

Двойное кодирование определяет композиционно-сюжетные особенности альтернативно-исторической литературы: в ней легко прослеживаются приемы массовой литературы – увлекательный сюжет, часто основанный на квесте, элементы детектива, приключенческого или шпионского романа, несколько сюжетных линий, среди которых часто присутствует любовная, типичны образы супергероя или злодея вселенского масштаба и т. п. С другой стороны, попытка построить альтернативный мир по законам развития реального мира, подобно историческим романам, апеллирует к элитарной аудитории, способной за шаблонными массовыми приемами увидеть глубинный смысловой слой.

В двойственности потенциальной аудитории альтернативной истории видится влияние постулатов постмодернизма, сознательно отказавшегося от элитарной ориентации. Как известно, искусству постмодерна «присуще стремление вернуть себе массового читателя, а не служить исключительно горстке “избранных”» [7, с. 4]. Соединение жанрового сюжета, связанного с массовым кодом, и элитарной интриги, апеллирующей к подготовленной аудитории, является стержнем композиции альтернативной истории, и ключом к пониманию ее популярности в широкой читательской аудитории.

То, что в альтернативно-исторических романах часто присутствуют фантастические элементы и изображаются события и факты, противоречащие общепринятым представлениям о конкретной исторической эпохе, способствует тому, что альтернативную историю можно рассматривать как разновидность научно-фантастической литературы. Особенно очевидна эта связь в произведениях, где постулируется возможность путешествовать во времени по воле главного героя или в результате случайности. Появление человека из будущего в обществе прошлого нарушает логический ход развития человечества, и время распадается на ряд потоков именно благодаря этому вмешательству. При

этом подобно классическому приключенческому роману XIX столетия, путешественник во времени зачастую является носителем энциклопедических знаний и умений, во много раз превышающих диапазон возможностей среднестатистического современного человека. Так, в романе «Да не опустится тьма!» американский историк и археолог, оказавшись в раннем средневековье, изобретает телеграф, самогонварение, книгопечатание и успешно отражает атаки Византии на южную Италию, в итоге добиваясь коренного изменения истории.

В мире альтернативной истории строго выполняется условие: изменение самой истории всегда ведет к изменению в темпах и результатах научно-технического прогресса. Наиболее очевидна эта закономерность в произведениях, описывающих далекое прошлое (например, сатирическая повесть «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»), однако в альтернативно-исторических антиутопиях XX века часто эксплуатировались темы альтернативного пути развития освоения космоса и использования ядерной энергии. Так, в романе «Человек в высоком замке», вышедшем в 1962 г., в параллельной вселенной фашистская Германия начинает колонизацию Солнечной системы, а Италия с помощью ядерной энергии осушает Средиземное море.

Очевидна связь альтернативной истории с альтернативной географией, однако безосновательна позиция, например, И. Гречаник, согласно которой альтернативная история и альтернативная география рассматриваются как равноценные поджанры научной фантастики [3]. Очевидно, что альтернативная география – не самостоятельная жанровая разновидность фантастики, а лишь прием. В отличие от фэнтези или научно-фантастических произведений, в которых альтернативная география является неотъемлемым элементом, мир альтернативной истории реалистичен, а несоответствия объективной реальности объясняются либо человеческим фактором, либо являются следствием логики развития воображаемого мира.

Классическая научная фантастика изображает мир будущего, контрастирующий с настоящим, прежде всего, либо благодаря изменению известных законов физики (путешествия со скоростью, превышающей скорость света, возможность преодолеть границу гравитационного коллапса, телепортация и т. п.), либо благодаря далеко зашедшему техническому прогрессу (изобретение разумных роботов, звездолетов и т. д.), т. е. происходит сравнение настоящего и будущего. Фэнтези – наиболее консервативный жанр, основанный на ухронии, в котором основной контраст – это контраст настоящего и абстрактного прошлого. В альтернативно-исторических романах сравниваются два (иногда более) настоящих, каждое из которых предопределено прошлым: реальным или альтернативным.

Физическая география альтернативного мира обычно полностью соответствует реальной, а основным изменениям подвергается политическая география, что объясняется социально-политической направленностью альтернативно-исторических произведений. Здесь альтернативная история

снова сближается с антиутопией, представляющей совершенно отличную от известной читателю политическую карту мира, но оставляющей без изменений географию Земли.

Учитывая, что традиционно альтернативная история считается поджанром научной фантастики, существуют разновидности научной фантастики, которые можно считать, в свою очередь, поджанрами альтернативной истории: стимпанк, дизельпанк и киберпанк. Из них наиболее известен стимпанк, своим названием отсылающий к эпохе создания и расцвета парового двигателя. Стимпанк изображает альтернативный мир, расхождение которого с объективной реальностью (чаще всего без указания причин) начинается на рубеже XIX–XX веков, и научно-технический прогресс идет в непривычном направлении: вместо использования электричества и двигателя внутреннего сгорания основой новых изобретений становится паровая машина.

Стилистика стимпанка основана на культуре Великобритании, ставшей в эту эпоху мировым лидером. Соответственно викторианские мотивы в стимпанке строго выдерживаются в содержательном плане произведений (портреты героев, облик городов, типичное поведение и т.п.): «Как правило, стимпанк подразумевает стилизацию под эпоху Викторианской Англии <...> и эпоху раннего капитализма с характерными городским пейзажем и контрастным социальным расслоением» [11, с. 194]. Кроме того, набор типажей также восходит к викторианской английской литературе, основные сюжетные ходы связаны с детективными мотивами в стиле А. Конан Дойла и Р. Стивенсона. Присущая альтернативной истории функция социально-политического анализа в стимпанке не занимает ведущее место, и стимпанковые произведения, проникнутые очевидной ностальгией по викторианскому прошлому, более тяготеют к массовой литературе, чем альтернативная история в целом.

По образцу стимпанка построены дизельпанк и киберпанк. Дизельпанк более схож с «мейнстримовой» альтернативной историей в том отношении, что главная цель дизельпанковых произведений – не ностальгия по какой-то конкретной исторической эпохе, а анализ возможных путей развития истории человечества, и изображает мир, развитие которого пошло отличным от исторического путем в период между мировыми войнами.

Дизельпанк четко подразделяется на два течения: военное и экономическое. Экономический дизельпанк характерен, прежде всего, для американской литературы и исследует проблемы Великой Депрессии, нанесшей тяжелый удар по экономике США в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и оставившей заметный след в американской культуре. Экономический дизельпанк может реализоваться в жанре утопии и антиутопии. Утопии в данном случае изображают экономическое процветание США, в котором Великая Депрессия не наступила; время джаза и свинга изображено как своеобразный современный золотой век человечества.

Истоки дизельпанковой экономической антиутопии следует искать в американской фантастической литературе начала XX века, например романе Дж. Лондона «Железная пята», изображающем торжество олигархии в Америке далекого будущего. Антиутопия в данном случае изображает США, где Великая Депрессия не была преодолена в результате прихода к власти Ф. Рузвельта в 1932 г., а, наоборот, приобрела глобальный масштаб и привела к полному разрушению экономики страны и деградации населения.

Военный дизельпанк является одним из наиболее распространенных типов альтернативно-исторических произведений, так как его тема – альтернативные исходы обеих мировых войн, которые приводят к полному переделу сфер влияния в мире и изменению политической карты Земли. Особый интерес у авторов альтернативной истории вызывает, как уже неоднократно указывалось выше, судьба мира в случае победы стран Оси во Второй мировой войне.

Киберпанк – широкое понятие, в которое дизельпанк и стимпанк иногда включаются как составные части, однако отношение киберпанка к альтернативной истории более свободное, так как поджанром альтернативно-исторических произведений киберпанк может считаться только при условии, что изображаемое киберпространство или общество, в котором кибертехнологии достигли высочайшего уровня развития, рассматривается как альтернатива настоящего времени, т.е. как своеобразный параллельный мир.

Вопрос о жанровой природе альтернативной истории далек от решения и по причине того, что «теория нормативных жанров начинает серьезным образом дискредитироваться, поскольку ее негибкие категории не соответствуют подлинным чертам произведений» [6, с. 381]. Хотя композиционно альтернативная история тяготеет к романной форме, главный ее компонент – это содержание, обусловленное специфическим хронотопом. Альтернативная история характеризуется прочной связью с исторической художественной литературой и научной фантастикой, будучи, по сути, одним из промежуточных жанров, которым «издавна присуща экспериментальная смелость и широта, непринужденное и интимное отношение к читателю» [2, с. 137].

Библиографические ссылки

1. Вежлева О. Классическая антиутопия сквозь призму жанровых характеристик / О. Вежлева // Збірник наукових артыкулаў VIII Міжнароднай навуковай канфэрэнцыі «Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай». – Мн. : Издательство БГУ, [б.г.]. – С. 280–285.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе / Лидия Гинзбург. – Л. : Советский писатель, 1971. – 464 с.
3. Гречаник І. П. Сновидіння у структурі часо-просторової організації фантастичних романів О. Бердника / І. П. Гречаник // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Шевченка. – 2009. – Липень. № 14 (177). – Філологічні науки. – С. 53-59.
4. Дробіт І. М. Рецепт історії у романі М. Бредбері „Професор Кримінале” / І. М. Дробіт // Гуманітарний вісник. – 2008. – № 12. – Т. 3. – С. 32–36.

5. Зубов А. «Топографический поворот» : исследования о времени и пространстве в спекулятивной фантастике / А. Зубов // Новое литературное обозрение. – № 1'2012 (113). – С. 311–324.
6. Кобли И. Вклад Бахтина в теорию жанров / И. Кобли // Філологічні дослідження : Зб. наук. праць. – № 9. – Донецьк: [б. в.], 2007. – С. 379–398.
7. Ковбасенко Ю. Література постмодернізму: по той бік різних боків / Ю. Ковбасенко // Тема. – 2002. – № 1. – С. 2–21.
8. Лишаев С. А. Эстетика пространства в культурно-историческом и экзистенциальном контексте / С. А. Лишаев // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2011. – № 1 (9). – С. 52–70.
9. Нехамкин В. А. Контрфактические исторические исследования в системе научного познания / В. А. Нехамкин // Общественные науки и современность. – 2007. – № 5. – С. 131–140.
10. Пешорда Д. Жанрові модифікації сучасного історичного роману : автореферат дис. ... кандидата філологічних наук : спеціальність 10.01.06 – теорія літератури / Дамір Пешорда. – Львів, [б. в.], 2001. – 17 с.
11. Рыльщикова Л. М. Типология жанров современного научно-фантастического дискурса / Л. М. Рыльщикова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Филология. – 2011. – № 2. – Т. 13. – С. 193–196.
12. Шевчук З. В. Засоби моделювання історії в постмодерній українській прозі : автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук : спеціальність 10.01.06 – теорія літератури / Зоя Шевчук. – К. : [б. в.], 2006. – 19 с.
13. Chalupa J. La novela histórica posmoderna. Una renuncia a la búsqueda de la verdad y/o un testimonio de una época de relativismo (Eduardo Mendoza, Juan Eslava Galán, Arturo Pérez-Reverte) / Jiří Chalupa // Studia Romanistica Beliana. – Banska Bystrica : Univerzita Mateja Bela, 2009. – P. 123–133.

Надійшла до редколегії 26.01.2013 р.